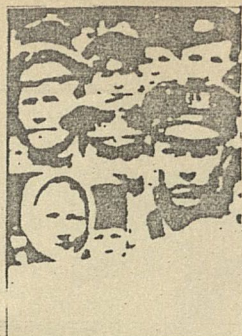

1993 №5
Маяковский А.А.

ИЗ ЖИЗНИ ВАМПИРОВ
ИЗ ЖИЗНИ ВАМПИРОВ
ИЗ ЖИЗНИ ВАМПИРОВ
ИЗ ЖИЗНИ ВАМПИРОВ
ИЗ ЖИЗНИ ВАМПИРОВ
ИЗ ЖИЗНИ ВАМПИРОВ
ИЗ ЖИЗНИ ВАМПИРОВ

Между тем исследователи и мемуаристы долгое время упорно оставляли фигуру этого человека без внимания.

А

Валентин СКОРЯТИН

МЕЖДУ ДЕКАБРЕМ И МАРТОМ

Посмертная маска.
Слепок сделал скульптор К. ЛУЦКИМ

ОБРАЛИСЬ все свои. Сипались остроты. Сочинялись стихотворные экспромты. На стенах пестрели шуточные лозунги. Шампанское. Музыка. Было весело. Происходило это на Таганке, в квартире на Гендриковом. Встречали новый, 1930-й год. Участники вновь организованной группы РЕФ приурочили к празднику чествование лидера — Владимира Маяковского. Открытие выставки, задуманной им к 20-летию своей литературной деятельности и приуроченной к концу декабря, пришлось перенести. Причин, по которым выставка была отсрочена, можно назвать немало. Но главным препятствием, вероятно, стал полувековой юбилей Генсека ЦК ВКП(б), пришедшийся на те же самые дни.

А пока решили отметить эту важную в жизни поэта дату в тесном, так сказать, «семейном» кругу. Из небольшой столовой в тесноватой квартире вынесли стол. Собралось немало гостей: Асеевы, Каменский, Мейерхольд, Штеренберг, Шкловский, Кассиль, Лавут, Полонская, Яшин...

Знакомые лица. Поздравить поэта пришли друзья, соратники по литературе и, как не раз сообщалось в разных мемуарах, чекисты¹. Среди этих давних знакомых был и Я. Агранов, друживший с Брикками с тех времен, когда они жили на Водопьяном, неподалеку от Лубянки. В предыдущей публикации ("Журналист", № 9, 1989 г., стр. 87) я уже упоминал об Агранове. Теперь необходимо рассказать о нем подробнее. Необходимо потому, что в событиях, последних перед роковой развязкой, он возникает рядом с Маяковским все чаще и чаще...

Яков Саулович, казалось бы, далекий от литературы по своим профессиональным интересам, был, что называется, на короткой ноге с многими литераторами. В писательских компаниях его звали по-своему — Янечка².

И во многих из них он бывал желанным гостем. Приемчивость и отзывчивость Янечки сложились в широкие и разнообразные. Кому-то они могли показаться даже странными. С одной стороны, например, ЛЕФ и РЕФ во главе с Маяковским, с другой — рапповцы во главе с Леопольдом Авербахом, который не упускал случая плянуть Маяковского. Ходил Янечка

ка в приятелях у «попутчика» Бориса Пильняка, бывшего постоянной мишенью для яростных нападков тех же рапповцев. (Кстати, в литературных кругах в свое время судачили, что, мол, именно Янечка сообщил Пильняку о кое-каких таинственных подробностях внезапной смерти известного военачальника. Говорили и о том, что после выхода в свет «Повести непогашенной луны» Пильняка сблотивший лишнее чекист будто бы пережил какие-то неприятности. Но мало ли какие могут быть домыслы...)

Так вот, Яков Саулович постепенно становится заведующим и на новой квартире в Гендриковом. Во всяком случае, как свидетельствуют сведения люди, по приглашению хозяйки дома Л.Ю.Брик он бывал едва ли не постоянным гостем на воскресных дружеских обедах³. Разговоры за столом случались на разные темы и, понятно, не могли не вызвать у Янечки (сам Маяковский, опять-таки по-своему, называл его Аграничем) живейший и — теперь уже, не лукавя, скажем — профессиональный интерес.

И здесь хочу обратить внимание читателей на одно странное обстоятельство (как увидим, по мере приближения к трагическому событию в апреле 30-го года странностей будет все больше и больше). «Аграны» был «другом дома» Брикков, часто общался с поэтом, а позже, как можно узнать из некоторых воспоминаний, принимал активное, деятельное участие во всем, что касалось его похорон, и фамилия Агранова стоит на первом месте (!) в списке группы товарищей, подписавших некролог Маяковскому. Между тем исследователи и мемуаристы долгое время упорно оставляли фигуру этого человека без внимания. К примеру, имени Агранова нет даже в наиболее полном собрании сочинений поэта, изданном уже в 1955-1961 гг.

Впрочем, не все мемуаристы были столь невнимательны, забывчивы. Несколько выразительных эпизодов с участием Якова Сауловича приводит в своих воспоминаниях художница Е.Лавинская⁴. Довольно емкую его характеристику оставил нам и литератор К.Зелинский. Что в первую очередь запомнилось ему в Агранове? Манера держаться: вкрадчивая, подчеркнуто спокойная, невольно заставлявшая собеседника настораживаться. Зелинский пишет: «Я очень часто видел Агранова, когда приходил к Бриккам. Воспоминание всегда строки Лермонтова о Басманове: «С девичьей улыбкой, с змеиной душой». Воспоминание потому, что тонкие и красивые губы

Якова Сауловича всегда змеились не то насмешливой, не то вопрошающей улыбкой. Умный был человек». И дальше: «Именно Агранов (бывший правой рукой Ягоды), начальник секретно-следственной части ОГПУ, приятель Леопольда Авербаха, был тем человеком, который заставлял задумываться над вопросом: «Что у тебя в душе? Кто ты такой?»

Эта страшноватая характеристика «Аграныча» появилась в 1956 году в книжке К.Зелинского «Легенды о Маяковском» (Библиотека «Огонек», № 45), и поклонникам поэта стала понятной долготелая «забычивость» многих авторов, писавших до этого о Маяковском: не могли они касаться тайны тайн — деятельности ГПУ, не полагалось давать и отрицательные характеристики (оценки) отдельным «слабым» чекистам, даже и тем из них, кто был репрессирован след за своими жертвами. Что было о них сказано к тому времени в официальных сообщениях печати, того и достаточно. И в этой обстановке даже скупая информация об Агранове, которую дал К.Зелинский, была сенсационной. А потом снова затишье на долгие годы: опять «не полагалось», опять нельзя было «касаться».

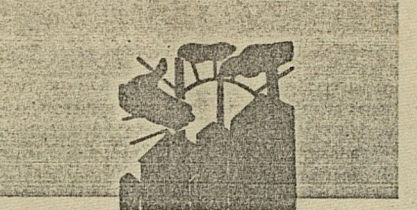
И только сегодня сказанное К.Зелинским четверть века назад на страницах нынешней печати начинает обрастать все новыми и новыми фактами. Фигура Агранова становится поистине злободневной, и тень от нее, столь же злободневная, густо ложится на последние месяцы и дни жизни Маяковского.

¹ Этот вечер подробно описан в книжке: П. Лавут. «Маяковский слет по Союзу», М., 1969, стр. 13; Л.Кассиль. «Маяковский — сам», М., Детгиз, 1963, стр. 190.

² М.Канин-Раскольников. «Детектив и политика», № 3, издательство АПН, М., 1989, стр. 215.

³ О частых посещениях Аграновым квартир Водопьяном и Гендриковом мне рассказывали многие. Назову среди них П.Лавута, П.Меркова, В.Полонскую, Л.Краснощекова.

⁴ Е.А.Лавинская. «Воспоминания о встречах с Маяковским», сб. «Маяковский в воспоминаниях родных и друзей», М., 1968, стр. 321.

ФИГУРА Агранова (в нынешнем, юбилейном, году ему тоже исполнилось бы сто лет) злободневной была всегда, а становится только сейчас. И, право же, в этом нет ни малейшего парадокса. Отношение к службе в ОГПУ—НКВД в те годы

разительно отличалось от нынешнего. От того, как любой порядочный человек относился к ней в наше время. Хотя бы уже потому, что, сколь бы ни были велики преступления чекистов двадцатых годов, все-таки еще не наступила эпоха большого террора, страна не прошла еще ни через ежовщину, ни через бериевщину, еще не была залита кровью оккупированная Восточная Европа, еще не вошло в привычный словарь затасканное теперь словечко «диссидент». Еще не был изжит налет некоей революционной романтики, вирус которой так или иначе проник тогда повсеместно и который был связан едва ли не прежде всего с деяниями славных чекистов во главе с железным Феликсом. Представить своего знакомого очередному гостю: «сотрудник ОГПУ» с абсолютной неизбежностью означало, что гость расплывется в любезной улыбке и склонится в почтительном поклоне.

Едва ли в ту пору был хоть один другой поэт (романист, драматург, художник...), который до такой степени был со всех сторон окружен чекистами, как Маяковский. По насыщенности сотрудниками Лубянки салон Брикков мог соперничать разве что с салоном Зинаиды Райх, где вокруг Мейерхольда (тоже друга Маяковского!) вились всепроникающие чекисты. Из двадцати семи человек, подписавших опубликованный в «Правде» некролог погибшего поэта и назвавших его в этом некрологе своим близким другом, по крайней мере трое являлись крупными чекистами генеральского уровня — Яков Агранов, Моисей Горб¹ и Лев Эльберт², а четвертый — Захар Волович³ — не подписав некролог (хотя имел для этого

¹ Моисей (Михаил) Савельевич Горб возглавлял при Ягоде один из так называемых «спецотделов» НКВД. 29 апреля 1937 г. был арестован и 21 августа того же года расстрелян.

² Лев Григорьевич Эльберт (в кругу Маяковского—Брикков его звали «Сюб») работал в иностранном отделе НКВД, специализируясь на японском языке. Мобилизован после войны занимался вербовкой агентов в оккупированных советскими войсками районах Германии, где и умер (по официальной версии) в 1946 г. от сердечного приступа. В конце тридцатых годов вместе с Осипом Бриком написал сценарий документального фильма «Владимир Маяковский».

³ Захар Ильич Волович причислен к множеству грязных преступлений НКВД, окруженных еще и сегодня глубокой тайной. С 1928 г. он работал под «крышей» аттеш советского посольства в Париже как Владимир Борисович Янович. Там же и произошло сближение его с Маяковским. Подлинная роль этого «дипломата» ни для кого в Париже не была секретом. Французские газеты прямо называли его «начальником парижского ГПУ». Волович-Янович (он же Вилинский) принимал участие в похищении и убийстве царского генерала Кутепова, возглавлявшего Русский общевосточный союз. Эта бандацкая акция в свое время наделала много шума. По возвращении в Москву стал заместителем начальника оперативного отдела НКВД. Лично принимал участие в аресте Григория Зиновьева. Вместе с начальником отдела чудовищным Карлом Паузером осуществлял охрану Сталина, не отходя от него ни на шаг. 27 марта 1937 г. был арестован и обвинен в подготовке террористического акта против Сталина (почему не осуществил, встречаясь с ним ежедневно, так и осталось загадкой) и в шпионаже в пользу гитлеровской Германии. Его начальник Паузер был обвинен в том же, хотя оба были евреями. Волович расстрелян 14 августа 1937 г.

ЗВУКОВЫЕ МЕМУАРЫ

ЛАВУТ Павел Ильич
(1898—1979), организатор выступлений В. Маяковского
Запись 6 августа 1967 г.

Я хотел бы рассказать, как многие годы и по известной причине люди неправильно подходили к стихам Маяковского. Из числа не любящих Маяковского, не признающих, не понимающих его — это главным образом люди, которые не желали вникнуть в суть его произведений. Или очень мало читали, или вообще его не читали. Когда я узнаю, что люди просто не знают не только наизусть, но и память не могут прочитать одного-двух стихотворений, даже иногда и четырех строчек, — так что же с них требовать? А потом кричат воем, что они не любят Маяковского. Главным образом потому, что неправильно его читают. Он становится скучным, риторичным. Здесь могут и возразить: «Почему, — мне достаточно того, чтобы взять книжку и почитать». Нет, не всегда. Во-первых, он писал, как он сам говорил, это известно, — для голоса; во-вторых, это была новая еще поэзия, по-новому все построено, слишком много загромождений, образов, разнообразие размеров... Все это людям непривычно. Людей приучить к какому-то виду искусства трудно. Так было и с Мейерхольдом. Во всяком новом есть такая вот судьба, ничего не поделаешь! И вот Маяков-

ский читал. Несмотря на трудности продвижения его нового искусства, его поэзии, он сам, стоя на сцене, мог читать полтора-два часа стихи. Если человек может стоять полтора-два часа после уже сделанного доклада, после перерыва, и читать стихи, и никто не уходит из зала, — значит, это хорошо, значит, это интересно, иначе как же они будут слушать. Они уйдут и все. А этого почти не бывало. Он читал так, что люди вникали в его поэзию, начинали понимать, любить. И даже те, кто вовсе не любил, никакого отношения к стихам не имел и не прикасался к поэзии вообще, мог его полюбить. С одного вечера.

КАВЕРИН Вениамин Александрович

(1902—1989), писатель

Беседа — 9 сентября 1971 г.

Я мало знал Маяковского и редко с ним встречался, хотя, как все студенты тех лет, бывал на его вечерах и был свидетелем тех диспутов, которые почти неизменно на этих вечерах возникали. Но я, разумеется, много думал о Маяковском, так же, как много думал и о нем и о его трагической гибели его современники, стремящиеся честно работать в литературе. И размышляя о его гибели, вспоминая наши встречи, я довольно ясно представил себе те причины, кото-

рые могли привести к этому удару, потому что самоубийство Маяковского было, несомненно, ударом по советской поэзии и каким-то болезненным роковым поворотом. Я, конечно, едва ли мог бы добавить что-нибудь к тому, что написали о нем, как о фигуре трагической Цветаева и Пастернак. В статьях моих, где я упоминал о Маяковском, много искажений: цензура просто не пропускала или редакция не допускала полностью то, что я хотел рассказать о нем.

Дело в том, что хотя я мало знал Маяковского, но я прекрасно помню ту атмосферу, предшествующую его самоубийству, которая дала возможность Зощенко, моему очень близкому другу, довольно точно предсказать едва ли не дату его самоубийства.

В разговоре с Авербахом в Европейской гостинице (я об этом написал в статье «Несколько лет») мы ясно столкнулись с той, непривычной еще тогда для нас позицией, что литература — это не искусство, которому мы отдали и хотим отдать все свои силы, и все будущее связано с ним, а какое-то, с точки зрения Авербаха и его группы, нечто, чем можно управлять, переставлять, что-то в нем делать, — это нечто вроде такого предприятия. Это само восприятие было настолько чуждо, сама позиция его и соратников, которые там были, так поразила нас, что выйдя из гостиницы мы с Зощенко стали разговаривать об этом.